ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Попова И. М., Глазкова М. М. Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель» // Концепт. – 2015. – № 12 (декабрь). – ART 15407. – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2015/15407.htm. – ISSN 2304-120X.

ART 15407 **УДК 82-312.1**

Попова Ирина Михайловна,
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология» ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
kafedraruss@mail.ru

Глазкова Марина Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
rusfilol37@mail.ru

Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель»

Аннотация. *В статье рассматривается функциональность библейских образов в романе Захара Прилепина «Обитель», выявляется смысл сопряжения прямого цитирования и асимметричного варьирования евангельского интертекста, доказывается, что с помощью аллюзий, реминисценций, интерпретаций сюжетов из Ветхого и Нового Заветов автор-повествователь выражает поэтико-аксиологическое созерцание произведения, дает оценки персонажам, показывает глубину духовного кризиса 1920-х гг., приведшего российский народ к катастрофе, определяет пути выхода из «кромешной тьмы» эпохи гражданских войн, голода и распада.*
Ключевые слова: *библейский интертекст, интертекстемы, аллюзия, реминисценция, функциональность, выражение авторского сознания, сюжетные интерпретации, симметричное и асимметричное варьирование интертекстем.*
Раздел: *(05) филология; искусствоведение; культурология.*

Роман Захара Прилепина «Обитель» (2015) теснейшим образом связан с библейским интертекстом, поскольку в нем речь идет о трансформации русского тысячелетнего православного мировоззрения в «воинствующий атеизм», ставший причиной духовной катастрофы XX в. К сожалению, в недавно появившейся статье Анны Жучковой «О романе “Обитель”» на эту важнейшую проблему даже не указано [1].

Можно сказать, что роман «Обитель» представляет собой художественную иллюстрацию к евангельскому тексту, выраженному словами Апостола Иакова: «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете» [2, Иак. 4: 1–3].

Это высказывание расшифровывает причину и смысл несчастий, свалившихся на узников Соловецкого лагеря, который символизирует всю Россию, прошедшую через горнило революционных мятежей первых десятилетий XX в. «Убиваете и завидуете, препираетесь и враждуете» – это относится к каждому персонажу, от начальника СЛОНа Эйхманиса до «мелкого мужика Филипка». Все несут одинаковую вину за свои «тяжкие грехи», но почти никто, кроме священников, не понимает этого.

Русский интеллигент «из бывших», оказавшийся «богомольным палачом», Василий Петрович говорит Артёму о неосознанном грехе гордыни: «Всех сюда же и посадят. И здесь же и зароют. Тут Бог близко. Бог далеко от себя пропащих детей не отпускает. Этот монастырь не отпускает! Никогда! <…> Этот монастырь – он же с зубами! Ты видел его сторожевые башни? Они же каменные клыки! Он передавит всех, кто возомнил о себе!» [3, с. 394].

Условимся различать следующие типы интертекстем:

а) симметрично вырьируемые (используемые в первичном смысле);

б) асимметрично варьируемые (применяемые в измененном до антиномического смысле [4].

В качестве дефиниции мы применяем в статье понятие интертекста Н. А. Кузьминой: «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная самогенерировать по стреле времени» [5]. Интертекстема обычно «устанавливает параллелизм обычного хода игры и течения жизни персонажа» [6].

Среди функций, которые выполняют интертекстемы, в статье выделяется «использование семантической ёмкости языковых символов, которые уходят корнями в древнюю мифологию и библейские тексты» [7]. В понятие «интертекстема» входят такие виды цитаций, как аллюзия, реминисценция, варьирование сюжета или образа, имена библейских персонажей, символики и др. [8]

Приведённый выше евангельский варьированный интертекст представляет собой слова владыки Иоанна, который уверен, что Соловки – это проявление воли Божией: «А ведь не одни невинные здесь собрались, верно? Всякий про себя думает, что он точно невиновен – да не каждый себе признается, с какой виной он сюда пришёл. У одного – злохулительные слова, у другого – воровские бредни, у третьего – иная великоважная ошибка» [3, с. 145]. Он рассказывает о святом Савватии – основателе монастыря, которому было намного труднее, чем лагерникам, а он был менее греховен: «А жил, старался! А мы что? Только обиды и сердечное смятение, вместо того, чтобы покаяться – и если не за те грехи, что вменили нам неразумные судьи, так за другие» [Там же]. Владыка Иоанн передает точно, без искажений, евангельскую истину, выраженную героем Ф. М. Достоевского словами «Все за всех виноваты» [9].

Более точно истину о вине приводит «боец Сивцев». Безвинно попав в карцер, он говорит: «За свой грех не всякий раз накажут, можно и за чужой пострадать» [3, с. 487].

Если Дмитрий Карамазов сознательно пошел на каторгу, поняв всеобщую вину и греховность человечества, чтобы очиститься страданием, то персонажам Прилепина надо сначала принять невероятные мучения, чтобы осознать на пороге смерти Истину. Отец Иоанн долго «увещевал» центрального героя произведения, приводя точные евангельские цитаты: «Церковь – человечество Христово, а ты вне церкви, ты Сирота, – тихо говорил владычка Иоанн. – Верующий во Христа и живущий во Христе – богочеловек. А ты просто человек, тебе трудно» [Там же, с. 317]. Артём слушал, и «голова его очищалась, как луковица – слой за слоем… и сначала было легко, всё легче и легче, как будто он научился дышать всем существом сразу, и всё вокруг стало прозрачнее… но одновременно нарастала тревога: что там, внутри у него, в самой сердцевине – что» [Там же]. Артём боится, что там «извивается червь» [Там же]. И оказалось, что это было действительно так. В душе стоял мрак язычества, поклонение идолу плоти, пока не пришел лютый час смерти.

«Бывшие» священники интерпретируют Библию в силу своей веры и догм православия, соблюдая точность, даже если цитаты приводятся по памяти. Они следуют согласному мнению святых отцов. Так, отвечая на провокационные вопросы бывшего белогвардейца Мезерницкого, о. Иоанн быстро парирует, приводя выдержки из библейского текста. Его не возможно «сбить». А отнять твердую веру во Христа распятого нельзя, даже если его физически уничтожить. Одна евангельская цитата звучит из уст трех персонажей трижды. А в финале воплощается в реальность «подвига» главного героя.

Первый раз цитату произносит о. Иоанн, отвечая Мезерницкому. Речь идет о соборной душе России в контексте страданий первохристиан.

Мезерницкий говорит: «Я вот иногда думаю, отец Иоанн: какое христианство после такого ужаса?» «А первохристиане что? – спросил он негромко. – Их рвали львы. А Христа что? Его прибили гвоздями! Он – сын Бога! Бог отдал сына» [Там же, с. 318].

«Вся Россия друг друга прибивала гвоздями, – сказал Мезерницкий. <…> – А Он верит, Он верит, – согласился владычка. – Его очередь – всегда, Он и не выходит из очереди. Сказано: любяй душу свою – погубит ю, а ненавидяй душу свою – обрящет ю. Россия свою душу возненавидела, чтоб обрести» [Там же].

Если сравнить с Евангелием от Матфея, то там высказывание звучит так: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в гиене» [2, Мф. 10:28]. Эту заповедь Христа знает, но не исполняет Артём, и тем самым губит свою душу. Только в конце романа пробуждается в герое жертвенность, исчезает страх перед смертью, тогда он меняется с Захаром, желая отдать свою душу «за други своя».

Цитату эту повторяет дословно владычка Иоанн Артёму в секирской церкви, где герой находится на краю гибели: «Сказано было: кто оберегает свою жизнь, тот потеряет её, а кто потеряет свою жизнь ради Господа нашего – тот сбережёт её» [3, с. 520].

Артём пожалел Галину и был готов умереть вместе с ней в финале романа. В повторной цитации владычка Иоанн заменяет слово «душа» на слово «жизнь», что более понятно «стихийно неверующему» Артёму.

Рассуждая о том, почему русские предали свою веру, о. Иоанн сопоставляет Соловки, в которых властвуют большевики, с ветхозаветным китом, на котором жили христиане: «И кит уходит под воду». Он использует библейский образ: «И черная вода смыкается у нас над головой. Но, пока хоть одна голова возвышается над черной водой – есть возможность спастись <…> Не уходи под воду, милый мой, не погружайся во мрак, тут и так всё во мраке» [Там же, с. 540], – умоляет владыка Артёма. Но протагонист, легко убивший своего отца, заменявшего ему Бога, не имеет здоровых душевных сил, сострадания к матери, осознания своей вины. Он уже «пребывает во мраке», потому что загубил свою душу, не раскаявшись в преступлении. И Артёму остается только сберегать свое «тело», что он старательно и делает, падая всё ниже. Герой Прилепина «сомневающийся», он подобен «морской волне», по словам Апостола Иакова: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, – и дастся ему. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой» [2, Иак. 1: 5–6].

Ещё раз евангельское выражение цитирует Василий Петрович: «Не надо бояться тех, кто убивает тело, но душу убить не сможет, скорее надо бояться тех, кто может и душу и тело погубить в геенне» [3, с. 394]. В его варианте этого высказывания сделан акцент на боязнь сил зла, а не на преодолении страха за свою жизнь, который он так и не сумел победить. Вл. Иоанн тоже приводит это высказывание Спасителя во время пребывания в штрафном изоляторе, подбадривая обреченных на гибель заключенных. Но он более точно цитирует Христа, правильно расставляет акценты: «Сказано было: кто оберегает свою жизнь, тот теряет её, а кто потеряет свою жизнь ради Господа нашего – тот сбережёт её» [Там же, с. 520].

Он обращается прежде всего к Артёму, надеясь помочь ему «укрепить себя словом Господним», но напрасно. Евангельскую истину по-разному понимают в силу своей греховности. Если одни герои осознают вину перед всеми, то другие (и среди них Артём) считают себя полностью безвинными. Василий Иванович удаляет имя Христа из высказывания, а значит, меняет весь смысл фразы, обращенной к своим ученикам – апостолам. Главное для персонажа – это противостояние и преодоление страха перед

чекистами. Но и в самом Евангелии от Матфея эта цитата звучит дважды: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною, ибо кто хочет души свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» [2, Мф. 16, 24–26]. Поразительно, но такое повторение воздействует на главного героя, который преображается в финале романа просто внезапно.

Сивцев по-другому комментирует свое сидение в карцере: «За свой грех не всякий раз накажут, можно и за чужой пострадать, видать, очередь дошла» [3, с. 487]. Артём подумал, что бойца Сивцева начало «гнуть»: «Он пришёл сюда со своей правдой, которая целую жизнь не подводила, – вдруг начала подводить», – нашёл ответ Артём, словно и в этот раз ответ ему был заранее подсказан [Там же]. Становится понятным, кто подсказывает протагонисту ответ, так как святых людей он не слушает и внемлет Истине.

Артём оказался также человеком «с двоящимися мыслями, нетвердым во всех путях своих» [2, Иак. 8:1]. Его мучит гордыня. Ведь он боится не того, что его изобьют – убьют, а того, что это «увидят другие» [3, с. 28].

Священнослужители, по сути, посредством библейской цитации ведут полемический диалог со всеми остальными лагерниками, для которых слова Священного Писания мутировали, изменившись в их сознании до противоположных смыслов. Особое значение в связи с этим приобретает в романе, по нашему убеждению, акцентирование таких аксиологических смысловых сдвигов в старославянской лексике, особенно в словах «утроба», «чудо», «святотатство».

«Утроба» – слово, означавшее в церковно-славянском языке внутренний мир человека, от состояния которого зависит его бессмертие: «Царство небесное внутри вас» [2, Лк. 17:21]. Это слово употребляется очень часто в молитвах именно в подобном смысле («Благолюбоутробная Мати»).

Во второй половине XIX в. слово в устах демократических слоев, либеральной интеллигенции, а затем и в общенародном употреблении приобрело негативный смысл («утроба ненасытная», «утробный звук»), связанный с желудком или телом человека в целом (например, выражение «внутриутробный плод»).

В романе Прилепина слово используется в искаженном значении по сравнению с первоначальным смыслом, но приобретает дополнительные коннотации; оно символизирует бездуховность главного героя – бывшего студента Артёма. Например, так описывает автор приезд протагониста в Соловецкий лагерь: «Артём пожал плечами, думая про то, как всё странно, если не сказать диковато: извлечённый из своей жизни, как из утробы, он попал на остров – если тут не край света, то край страны точно, – его охраняет конвой, если он поведёт себя как-то не так – его могут убить, – и вместе с тем он гуляет в сквере и разговаривает в той тональности, как если бы ему предстояло сейчас вернуться домой, к матери» [3, с. 41].

В «Словаре малопонятных слов и выражений, встречающихся в молитвословах» дано слово «благоутробен», которое объясняется как милосердный, добрый [10]. Артём – типичный русский парень – просто «утробен», о чем свидетельствуют многочисленные сцены его мечтаний о еде, «молитвы еде», поклонения пище, описание его «утробного» насыщения, которое вызывает в нем сладострастные ощущения и является для него главным в жизни.

К прямой интерпретации библейских интертекстем можно отнести и выражения, связанные с евангельским понятием детскости как незлобивости и кротости: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто

умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» [2, Мф.18:3]. Повествователь многократно подчеркивает детскость вл. Иоанна: «Владычка Иоанн весело помахал рукой – что-то то ли очень детское, то ли старозаветно взрослое было в этом жесте. Будто бы ребёнок говорил: “Я не отчаиваюсь”, а древний человек вторил: “И вы не отчаивайтесь”, – и всё в одном взмахе» [3, с. 66]. Более того, возле о. Иоанна все себя чувствуют детьми, защищенными Отцом.

Василий Петрович говорит: «Возле него как-то остро чувствуется, что все мы дети» [Там же]. Понятно, что здесь имеется в виду, что все люди – это дети Отца небесного, Всевышнего. Вспомним вышеприведенную цитату, в которой неверующий Артём назван «сиротой» без Отца.

Большинство цитат из Евангелия и Апостольских посланий звучит из уст вл. Иоанна. Повествователь характеризует этого героя тоже библейской интертекстемой: «Дети мои, – сказал владычка негромко, но все услышали и остановились. – Дабы не замёрзнуть, нам придётся не только жить, но и спать как истинные во Христе братья <…> Голос его звучал уверенно, словно секирская эта церковь стала кораблём, а он, так уж получилось, её капитаном» [Там же, с. 516]. Церковь в Евангелии названа «кораблем спасения». Аллюзия на Священное Писание намекает на истинность веры владычки.

Владыка Иоанн считает, что у Артёма «лёгкое сердце <…> незримый рулевой, знающий о том, что попеченье его у Вышнего» [Там же, с. 512], – проведет его мимо всех зол. Он в конечном результате не ошибается. Сам Иоанн думает, что люди добры, раз «не всегда бьют дрыном», «бывает, и человеческое слово скажут, не только лай или мычанье» [Там же, с. 512]. Он следует всепрощению Христа и выражает его «благую весть» о человеке, который создан «по образу и подобию Божьему» [2, Быт. 1:26–27].

Библейский интертекст имеет не только функцию выражения авторского сознания; с помощью библейских аллюзий и реминисценций выявляются характеры персонажей. Например, ассиметрично варьируется ветхозаветный сюжет о жертвенности и вере в Бога царя Давида, готового принести в жертву своего сына. Артём, по авторскому суждению, наоборот, «взрезал, как овце, горло своему отцу». «Артёму неведомо, кем заранее было подсказано, что каждый человек носит на дне своём немного ада: пошевелите кочергой – повалит смрадный дым. Сам он махнул ножом и взрезал, как овце, горло своему отцу <…> каждый как может, так и зарабатывает Царствие небесное» [3, с. 486], говорит автор-повествователь.

По убеждению повествователя, представления Артёма антиномичны евангельской истине. И становится всё более понятно, что сказал об аде на дне его души бес – в результате Артём не принял причастие, ведь Артём во время причастия сидел у окна, заливисто смеялся и видел черную собаку, бегающую вокруг церкви: «Причащаться Артём не пошёл. Руки его были сухи, сильны и злы, сердце упрямо, помыслы пусты» [Там же, с. 567].

Артём из вредности на исповеди отвечал молча: «Я», но такая деталь, как то, что он кивнул, «осклабившись» [Там же, с. 561], говорит о том, что он стал «кромешным исчадием». Если другие лагерники кричали: «Каюсь! Грешен», то Артём отвечал: «А то», – крутясь на своих нарах, словно его всего мылили в сорок злых и мокрых рук. «Здесь я! Здесь!» – отзывался на всякий грех Артём, не ведая и не желая раскаяния в них. <…> «Не верил», – кивал Артём с тем бесстыдным лицом, с которым пьяница ждёт у кабака, что ему нальют [Там же, с. 561]. Артём ведет себя так, как описано в Библии поведение одержимых злыми духами.

Окончательное духовное падение Артёма вновь характеризуется библейской интертекстемой: «…ты тёпл, а не горяч и не холоден, то я готов извергнуть тебя из уст моих» [2, Откр. 3:15, 16]. Но священник в волнении заменяет их народным аналогом: «Ни рыба, ни мясо» [3, с. 568].

Когда вл. Иоанн умер, Артём, увидев его труп, исполосовал лицо своему «князю, святому на фреске в церкви, помешав нескольким лагерникам, которые в эту минуту молились святому» [Там же, с. 568]. Он убивал святого, как это делали чекисты с преступниками в Соловках: выдавил глаза, стесал уши, губы стёр. «Волосы повыдирал клок за клоком <…> Работал быстро, ярясь и скалясь. – Боже ты мой… – выдохнул кто-то из стоявших внизу. – Креста на нём нет…» [Там же, с. 569]. Отец Зиновий возмутился: «Фрески святых лежат под извёсткой, как трава и ягода под снегом… хранятся и ждут… ждут своего часа… как же тебе пришло в голову твою, поганец, раскопать их… и уродовать?.. Как же?.. [Там же].

«–…Нераскаянный!.. – вскричал Зиновий. – Гниёшь заживо… Злосмрадие в тебе – душа гниёт!.. маловер, и вор, и плуг, и охальник – выплюну тебя… ни рыба ни мясо – выплюну!» [Там же, с. 570].

О. Зиновий назвал его вором («тать»). У этого слова старославянский корень, входящий в слово «святотатство», то есть украденная святость. Попав в изолятор на секирскую гору, где были особенно суровые условия, Артём стал исчадием святотатства. Он вызвал гнев у всех, кто был рядом: «Лагерники кричали так, словно все расползшиеся вчера гадкие грехи сползлись в Артёма и заселились в нём, – а значит, могли вернуться к любому из его соседей…» [Там же]

Герой как будто впитал всю окружающую его греховность, а от святости открестился, хотя открещиваются от черной силы. Вокруг него были святые люди (о. Иоанн, о. Зиновий, о. Феофан), святые места, он видел духовное преображение других лагерников, ему была послана возможность молитвы на святые чудотворные образа, открыто фресковое изображение над нарами святого мученика, он дважды видел отшельников, но ничего не помогло, потому что Артём сделал выбор в сторону бесовства и стал «новым распинателем Христа», в буквальном смысле физически уничтожив фресковую икону точно таким же способом, как чекисты мучили и убивали заключенных.

Много раз Артём слышал от о. Иоанна, что для того, чтобы «соделаться причастниками Божественного естества», надо, по словам апостола Петра, приложить старание, проявить добродетель: «В рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь» [2, 2Пет. 1:5–7]. «А в ком нет сего, тот слеп, закрыл глаза, забыл об очищении прежних грехов своих» [Там же, 1:9]. В герое не было ни должной рассудительности, ни воздержания, и, как он думал, не было и любви. Но оказалось, любовь к Галине была: Артём пожалел её, что привело его к духовному воскрешению.

«Обращайтесь к Господу как к светильнику, сияющему в тёмном месте, доколе не начнёт расцветать день и не взойдёт утренняя звезда в сердцах ваших» [Там же, 1:19], – говорил иными фразами владычка Артёму, но он, находясь «в тёмном месте», ни разу не захотел обратиться ко Христу, более того, поддерживал абсурдные мысли Эйхманиса. Герой верил начальнику лагеря, который утверждал: «Пролетариат лучше Христа. – Христос гнал меня из храма – а пролетариат поселил тут всех: и кто менял, и кто стрелял, и кто чужое воровал… Революция такая, революция сякая, а где огромная правда, которую можно противопоставить большевистской? Сберечь ту Россию, которая развалилась на куски, изнутри гнилая, снаружи – в вашем сусальном золоте? <…> Соловки – прямое доказательство, что в русской бойне виноваты все: что ротные и взводные из «бывших» – добрее чекистов [3, с. 271].

Здесь мы видим кощунственную подмену, аллюзию на превратно понятый библейский сюжет о том, как незадолго до крёстных страданий Христос выгнал из храма торговцев и менял, заявив, что «Храм Божий домом молитвы наречётся»: «И вошёл Иисус в Храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул, и говорил им: написано: “дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников”» [2, Мф. 21:13].

Тем самым, говоря о том, что Иисус гнал таких, как Эйхманис, из храма, он невольно свидетельствует, что он «разбойник», «меняла» и «торговец», «попиратель и святотатец» Храма Божьего. А утверждая, что они (революционеры) поселили всех, «кто менял, и кто стрелял, и кто чужое воровал», в храмы, начальник лагеря выдает черное за белое, утверждает, что лишение людей свободы есть благо. А Бог, наоборот, свободу человека считал неприкосновенной.

Эйхманис противопоставляет себя как «вождя пролетариата» Христу, обожествляя себя и возносясь в своей гордыне до абсурда. Это яркий пример применения асимметричного варьирования интертекстемы из Библии человеком атеистических взглядов с целью разоблачения подмены, лжи, лукавства большевистской идеологии. Всё-таки Эйхманис чувствует, что священники и Церковь Христова в целом сильнее их дьявольской пропаганды. Он заявил: «Тираж любой книги Блока был – одна тысяча экземпляров. А у любого попа три тысячи прихожан в любой деревне» [3, с. 277].

В романе мастерски используется точный библейский интертекст, но в кощунственном смысле. Чекист, пришедший на секирку искать следующую жертву, цитирует Евангелие: «Жатвы много, работников мало». Повторяя эту фразу, чекист выражает убийственную иронию, поскольку эти слова произносил Иисус Христос своим ученикам, отправляя их спасать Словом Божиим души людские. Эта фраза звучит из уст палача как дьявольская издёвка. Артём видит, что «чекист раскачивался, и улыбка на его лице раскачивалась, как дохлая рыба в тазу, полном смрадной водой» [Там же, с. 553]. Затем чекист поиздевался, нагоняя смертный страх на лагерников, качнул перед ними колокольчиком, по звуку которого вызывали на расстрел.

В прилепинском тексте предельно важен комментарий повествователя, которым сопровождается та или иная интертекстема Священного Писания. Библейская цитата, которая звучит из уст пьяного чекиста, водящего по колокольчику заключенных на расстрел, поясняется рассказчиком так: «Чекист шлёпнул губами, словно удерживал спадающую улыбку, и ответил такими же улыбчивыми, влажными, как его губы, словами: “Жатвы много работников мало”» [Там же].

Усилие, с которым чекист удерживает улыбку, влажность губ, переходящая на «Слово Христа», указывают на бесовскую подмену Истины. В романе «Обитель» цитируют евангельский текст в обратном смысле, как правило, пьяные персонажи. Начальник лагеря говорит: «Знаете такое выражение: “Иго моё благо?” – продолжал Эйхманис; Артём вдруг догадался, что начальник лагеря подшофе – он его уже заставал в таком состоянии» [Там же, с. 390]. Интертекстему начлаг применил к себе, ведь он установил драконовский режим на Соловках, имея в виду, что страдания и унижения заключенных «исправят их души»: «А хочется мне прежде всего, – процитировал Эйхманис по памяти, – о душах ваших думать…», «мне кажется, в них корысть и вражда, – закончил Шлабуковский» [Там же, с. 390].

Пьяный Мезерницкий «перевирает» не только Библию, но многовековую историю России библейской интертекстемой. Он признаёт: «Мы даже идею Бога познали и обрушили. Да, всё меняется <…> человек меняется, я меняюсь, идёт постоянный обмен веществ, целые народы меняют кровь на кровь, око на око, огонь на огонь – что вы хотите от меня? Всё течёт! Я тоже теку» [Там же, с. 311].

Прав Василий Петрович, говоря, что он «ведёт разговор – как акробат» [Там же, с. 312], потому что, приводя цитату из Ветхого Завета, он клевещет на русский народ, никогда не мстивший своим врагам, а только всегда защищавшийся от нападавших на своё Отечество.

Библейская интертекстема выполняет функцию характеристики образов. Так, Василий Петрович, поняв, что Артём попал под очарование начлагеря, употребляет слова Христа о лицемерии фарисеев: «Эйхманис – это гроб повапленный! Знаешь, что это такое? Крашенный, красивый гроб – но внутри всё равно полный мерзости и костей!» [Там же, с. 325].

Точные евангельские слова таковы: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» [2, Мф. 23:27–28].

Более древнее слово «повапленный» вместо покрашенный, употребленное персонажем, свидетельствует о том, что его знания обширны, но «вера тщетна без дел». Артём понял, что Василий Петрович «про веру рассказывает», а сам Моисея Соломоновича убрал из своей бригады, «нет бы пожалел» [3, с. 69]. В Священном Писании сказано так: «вера без дел мертва» [2, Иак. 2:26].

Таким образом, можно констатировать следующее: библейский интертекст в романе Захара Прилепина «Обитель» наделен важнейшими функциями: демонстрирует борьбу аксиологий между нравственными ценностями православия и атеистическим мировоззрением, между Богочеловеческой моралью и безнравственностью гордынного Человекобожества. Для этого автором романа используется система симметричных и асимметричных интертекстем, точных и варьированных цитат, мутированных до полной смысловой противоположности слов, понятий и выражений из Священного Писания (текст Библии и Священного Писания (Апостольских посланий). В этой неравной борьбе, сосредоточенной вокруг главного героя произведения Артёма Горяинова, применяются евангельские аллюзии, реминисценции, сюжетные интерпретации, выполняющие также функции характеристики образов и выражения авторского замысла.

Ссылки на источники

1. Жучкова А. Вегетарианские двадцатые в «Обители» Захара Прилепина // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С.164–176.
2. Новый завет господа нашего Иисуса Христа. – СПб.: Синодальная типография, 1893. – 508 с.
3. Прилепин З. Обитель. – М.: АСТ, 2015. – 746 с.
4. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: Кн. дом «Либроком», 2010. – 320 с.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномен языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. – М.: Кн. дом «Либроком», 2011. – С. 42–43.
6. Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. – М.: Кн. дом «Либроком», 2010. – С. 250.
7. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – С. 42.
8. Попова И. М. Интертекстуальность художественного произведения. – Тамбов: ТГТУ, 1998. – 164 с.
9. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 20 т. – М.: ТЕРРА, 1998. – Т. 14. – С. 281.
10. Православный молитвослов с добавлением словаря малопонятных слов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – С. 429.

Irina Popova,
Doctor of Philology, Professor at the chair of Russian Phililogy, Tambov State Technical University, Tambov
kafedraruss@mail.ru
Marina Glazkova,
Candidate of Philology, Associate Professor at the chair of Russian Phililogy, Tambov State Technical University, Tambov
rusfilol37@mail.ru

The functionality of biblical intertext in Zakhar Prilepin's novel "Resident"

Abstract. The functionality of biblical image in Zakhar Prilepin's novel "Resident" is considered, the meaning of direct citation interfacing and evangelic intertextuality asymmetric variation is revealed. It is proved that the author-narrator expresses axiological poetic manner of work with the help of allusions, reminiscences, interpretationsof scenes from the books of the Old and the New Covenant, gives assessment characters, shows the depth of the spiritual crisis of the 1920s leading Russian people to the disaster, determines the ways out the "outer darkness" of the age of civil wars, famine and decay.

Key words: biblical intertext, intertexteme, allusion, reminiscence, functionality, author's consciousness expression, scene interpretation, symmetric and asymmetric intertexteme variation.

References

1. Zhuchkova, A. (2015). "Vegetarianskie dvadcatye v 'Obiteli' Zahara Prilepina", *Voprosy literatury*, № 6, pp.164–176 (in Russian).
2. (1893). *Novyj zavet gospoda nashego Iisusa Hrista*, Sinodal'naja tipografija, St. Petersburg, 508 p. (in Russian).
3. Prilepin, Z. (2015). *Obitel'*, AST, Moscow, 746 p. (in Russian).
4. Gjubbenet, I. V. (2010). *Osnovy filologicheskoj interpretacii literaturno-hudozhestvennogo teksta*, Kn. dom "Librokom", Moscow, 320 p. (in Russian).
5. Kuz'mina, N. A. (2011). *Intertekst: tema s variacijami. Fenomen jazyka i kul'tury v intertekstual'noj interpretacii*, Kn. dom "Librokom", Moscow, pp. 42–43 (in Russian).
6. Babenko, N. G. (2010). *Jazyk i pojetika russkoj prozy v jepohu postmoderna*, Kn. dom "Librokom", Moscow, p. 250 (in Russian).
7. Fateeva, N. A. (2000). *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov*, Agar, Moscow, p. 42 (in Russian).
8. Popova, I. M. (1998). *Intertekstual'nost' hudozhestvennogo proizvedenija*, TGTU, Tambov, 164 p. (in Russian).
9. Dostoevskij, F. M. (1998). *Sobranie sochinenij: v 20 t.*, TERRA, Moscow, t. 14, p. 281 (in Russian).
10. (2013). *Pravoslavnyj molitvoslov s dobavleniem slovarja maloponjatnyh slov*, OLMA Media Grupp, Moscow, p. 429 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук,
членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	23.10.15	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	26.10.15
Принята к публикации *Accepted for publication*	26.10.15	Опубликована *Published*	30.12.15

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015
© Попова И. М., Глазкова М. М., 2015